

Г.М. Нарсия

Толерантность как социокультурный проект

Рецензия на книгу: *Медушевский Н., Гордеева М.*
Толерантность: От мировоззрения к идеологии. [Б. м.]:
Издательские решения, 2017. 164 с.

Рецензировать сборник своих коллег всегда непросто. Однако статьи, подготовленные М.А. Гордеевой и Н.А. Медушевским, заслуживают внимания по нескольким причинам.

Во-первых, в РГГУ благодаря инициативе академика Е.И. Пивовара сложилось мощное направление по исследованию содержания и основ толерантных практик в современном мире. Это происходило не без дискуссий даже в самом университете. Ценности толерантности, культуры мира воспринимались как нечто не просто навязанное извне, но и не имеющее сколько-нибудь содержательных смыслов. Характерно, например, что один из наиболее ярких политических публицистов С.Ф. Черняховский неоднократно говорил о том, что даже европейская культура выростала из противопоставления варварству и нецивилизованной динамике развития. Более того, в самом европейском сообществе велись и ведутся непрекращающиеся дискуссии о том, насколько возможно ценности толерантности закладывать в основание социальных практик.

Тем не менее концепт РГГУ как университета XXI в. строился на базе принятия того тезиса, что университет призван не столько отвечать на вызовы, сколько опережать их и формировать особую концепцию социального взаимодействия. Это важно не только для РГГУ как явного лидера российского гуманитарного знания, но и для многонациональной и многоконфессиональной России.

Во-вторых, в РГГУ сложился уникальный, пока не имеющий аналогов опыт гуманитарного образования в сфере толерантности и межкультурного взаимодействия. Лидером этого процесса, поддерживаемым Ученым советом РГГУ и ректоратом РГГУ, стала кафедра культуры мира и демократии, которая работает по программам ЮНЕСКО в области образования и культуры.

За годы существования на кафедре сложилось целое направление по исследованию содержания и принципов толерантности, межкультурализма и современных социальных практик гуманитарного взаимодействия. В условиях, когда религиозные и этнические конфликты, интенсивные миграционные потоки придали особую актуальность проблемам социального диалога для целого ряда экспертов, проблемы толерантности и мультикультурализма представляются надуманными и нереальными. Именно в этом контексте выход в свет сборника работ моих коллег представляется мне актуальным и чрезвычайно своевременным.

Не имея возможности презентовать все своеобразие сборника, я остановлюсь на некоторых его характерных чертах.

Первое. Обращает на себя внимание стремление авторов сконцентрировать свои позиции вокруг дискуссий о самом понятии толерантности. Предваряя сборник, они отмечают, что на протяжении XX века «толерантность» чаще всех интерпретировалась как «терпимость», «принятие» и даже «смирение» (с. 3). (В известной степени это связано, конечно, с пониманием «культуры большинства», о чем неоднократно говорил А.П. Логунов.) В современных же условиях содержание понятия толерантности интерпретируется через «консенсус», «уважение», «стремление к диалогу» (с. 3). Вполне очевидно, что понятие «терпимость» и «способность к диалогу» имеют совсем иное измерение. Одно дело «терпеть» даже в условиях неприятия, а другое быть способным к ведению продуктивного диалога. Это различие не всегда, к сожалению, понимается критиками концепта толерантности, и в этом авторы сборника вполне категоричны.

Сам сборник состоит из 12 статей, в каждой из которых содержатся введение, выводы по статье, а также список источников и литературы.

Сборник, появившейся во вполне конкретное время, в 2017 г., не мог не отобразить те проблемы, которые представляются наиболее значимыми для современного европейского общества (так или иначе этому посвящена статья, см. с. 12–15). Здесь при вдумчивом анализе текста наших коллег я хотел бы высказать несколько суждений.

Во-первых, размышляя о концепте толерантности, нельзя оставить в стороне, как мне представляется, их динамическое измерение. Вспомним хотя бы, как выстраивалась Большая Европа, принимавшая в себя страны так называемой Восточной Европы. По сути, *Новой Европе* было предложено принять в качестве аксиомы не только ценности, но и достигнутый уровень их реализации. При этом лидеры Большой Европы сами весьма дифференцированно подходили к оценкам степени реализации европейских

стандартов в общественной жизни внутри «Новой Европы». Например, ограничение прав русскоязычного населения в странах Балтии на получение образования на национальном языке воспринималась достаточно мягко как «болезнь роста». В то же время Турции предъявлялись более жесткие требования к их политике по отношению к национальным меньшинствам и в области правопорядка, и в области политических прав, в результате чего Турция оказывалась за границами ЕС на протяжении целого поколения. Но и данные подходы не позволили ликвидировать различия в динамике социально-культурного развития. Даже формально-неформальные лидеры ЕС (руководители Германии, Франции и Италии) вынуждены были признать, что сохраняются два типа динамики развития стран ЕС. Есть страны «больших скоростей» и страны «малых скоростей». Возмутители европейского спокойствия Польша и Венгрия оказались менее терпимыми и к проблеме миграции, и к российскому кризису, и к проблемам национальных меньшинств.

Авторы сборника указывают, например, что негативное отношение к миграционному вопросу в Германии и во Франции выросло на 1–12 % (с. 57). Но на последних выборах и во Франции, и в Германии именно сторонники «мягкого миграционного курса» вновь оказались победителями. Планировавшийся эффект Мари Ле Пен оказался несостоятельным. А вот выборы в Австрии, спокойной и благополучной, дали несколько иные результаты. Молодой лидер Австрии Себастьян Курц завоевал большинство голосов избирателей именно на критике миграционной политики. (Хотя, будем предельно честны, понятие *европейского большинства* весьма условно. Большинство может быть и 30 %, и 25 % и...)

Все это заставляет меня размышлять не только о содержательных, но и динамических характеристиках социальных аспектов толерантности. Одно из последних заявлений министра образования Латвии Карлиса Шадурскиса о необходимости создавать политически единую нацию не взорвало Европу. Более того, прошло незамеченным. Чего невозможно представить ни в Германии, но во Франции, ни в Италии.

Две статьи сборника привлекают особое внимание: «Восточная Европа в противостоянии европейской интеграции» (с. 94–104) и «Западная историография социальной толерантности» (с. 129–144).

В первой статье анализируется процесс вхождения стран Восточной Европы в Европейский союз и выделяются принципы европейской консолидации. Авторы характеризуют противоречивость данного процесса, которая стала следствием различных типов

восприятия принципов и ценностей большой Европы. Как мне представляется, излишне общая характеристика данного процесса не позволила выявить многие существенные черты данного процесса. Например, почти полностью проигнорирован фактор *времени*. Слишком быстрое решение о расширении границ ЕС привело к тому, что «новые страны ЕС» принимались часто на основе формальных показателей, которые не всегда учитывали адаптивные возможности и ментальные ценности государств и народов, входивших теперь в состав Большой Европы. Характерно, что в этом процессе ценности *толерантности* и готовности воспринимать иное как нормальное и естественное, вообще не учитывались или, по крайней мере, отодвигались на дальнюю периферию.

Авторы сборника, к сожалению, не обратили внимание на конфликтогенный потенциал предыдущего политического опыта, что в конечном итоге привело к складыванию так называемой Вышеградской группы стран. Весьма интересно, что в сборнике эта группа оценивается в качестве *нового центра силы*. Однако нет тщательного анализа силовых характеристик политических инициатив этой группы. Мне кажется, явно не хватает характеристики того, что сама идея Восточного партнерства родилась в среде именно новых стран Евросоюза. За попыткой привлечь Украину, Грузию, Молдову, Азербайджан и Белоруссию к иному качеству солидарного сотрудничества с ЕС стояло стремление создать новый барьер между Европой и РФ. Тем не менее сама по себе эта статья весьма любопытна, так как отражает внутренние процессы динамики общеевропейского сотрудничества.

Статьи, посвященные анализу историографии толерантности, привлекают особое внимание. Собственно говоря, в сборник включены две историографические статьи: одна посвящена анализу «западной историографии» (с. 129–144), вторая – развитию «российской историографии» (с. 145–154). Само по себе подобное разделение процессов развития исследовательских практик по проблемам толерантности весьма интересно, поскольку позволяет выявить общее и особенное в развитии историографического процесса. Кстати, нечасто в специальных политологических исследованиях уделяется особенное внимание анализу литературы.

Жаль, что авторы не сделали обобщающих сравнительных выводов. Тем не менее первая статья вызывает особый интерес и одновременно возможности неоднозначного истолкования. На мой взгляд, выстраивание напрямую взаимосвязи между, например, античностью и современностью достаточно условно. Толерантность как ценность и социальный ориентир может

восприниматься скорее как культурно-целостный процесс применительно к каждому из цивилизационных проектов. И здесь трудно сопоставлять отношение к «варварам» древних греков с отношением к «мигрантам» жителей современной Европы. И все же обзор исследовательских практик, проведенный весьма грамотно и квалифицированно (с учетом даже обзорного характера статьи), имеет самостоятельную научную ценность.

Сборник статей, подготовленный М.А. Гордеевой и Н.А. Медушевским, может занять свое значимое место в современной литературе, посвященной одной из наиболее сложных и значимых проблем – исследованию толерантности как социально значимого современного проекта.